

«Какой я была на самом деле»

Воз. Москва. — 1993. — 2 июля.

— Я умру, и столько всякого наговорят обо мне, что в конце концов так никто и не поймет, какой я была на самом деле, — так начинала свой знаменитый спектакль «Эдит Пиаф» народная артистка России Нина Дробышева. — Не так уж это и важно, скажете вы. Возможно! Но эта мысль не дает мне покоя. И вот, пока еще не поздно, я хочу рассказать о себе сама, рискуя возбудить жалость, а, быть может, рискуя возбудить к себе любовь.

— Будь что будет, Нина Ивановна, а в чем трагичность и счастье вашей жизни?

— Во мне. В моем характере. Я любила и была любима. Как сказал поэт: «Были люди в наше время, не то что нынешнее племя».

А вообще-то, я, вероятно, не такая уж и везучая женщина. Народная артистка России. И что? Да ничего. Всегда шла «против течения». Когда Юрий Завадский взял меня в театр, он и не предполагал, кого он берет себе «на шоу». Чего-чего, а строптивости во мне хватало. Г. Чухрай почему-то взял в свою картину «Чистое небо». Вероятно, из-за моего блокадного прошлого.

Лента принесла мне мировую славу. Лучшие пловцы Мексики бросались с высоких скал, чтобы угодить своей королеве. Корону «Инков» я носила одни сутки, но в творческом соревновании победили Тэйлор, Шелл, Лорен, Мазину, Бергман...

А потом автомобильная катастрофа. Изуродованное лицо. И — конец моей кинематографической карьеры. Благо был театр. Его Ве-

личество Театр! «Эдит Пиаф» — мое спасение. Потом замечательная пьеса «Пять углов», «Премьера», «Синее небо, а в нем облака», «Мать Иисуса»...

На последней я «сломалась». Вернее, поняла, что прикосновение к этой Теме — чревато. Погибли муж и ребенок моей партнерши по спектаклю, и мы для себя решили, что Тема опасна. Вернее, она недоступна нам.

Я решила для себя, что «характери» не самый лучший вариант для российской актрисы. Получаешь гроши а вынужден работать на «двести процентов».

Зачем?

Потому и отменила все свои спектакли. Благо я всегда имела право это делать. Юрий Александрович Завадский мне никогда ничего не диктовал. Я пришла в труппу сформировавшейся актрисой. Ни в каких коалициях не состояла.

Просто как-то так само собой получилось, что в жизни я повторила судьбу своей героини Ляли из пьесы «Пять углов».

Но я ни о чем не жалею. Ни о радости. Ни о горе. Нет, я не жалею ни о чем.

И даже если я буду лежать на больничной койке и диктовать свои воспоминания, я прежде всего вспомню о своем зрителе, который ради меня приходил в полный в Театр имени Моссовета, чтобы увидеть меня в «Эдит Пиаф». Именно ради него я хотела бы умереть на сцене.

Владимир ВАХРАМОВ.